

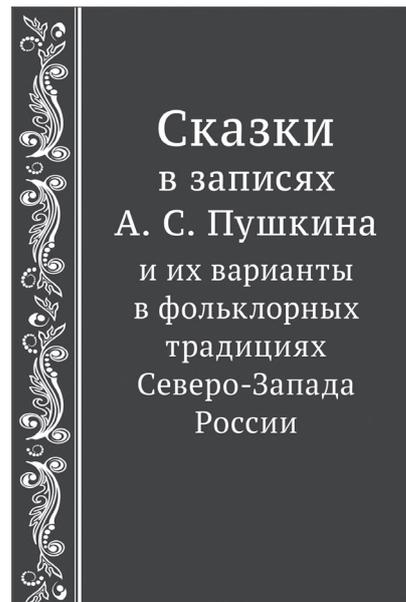
Anna NEKRYLOVA

Tales recorded by Pushkin, in the context
of the north-western fairy tale tradition

Анна НЕКРЫЛОВА

Сказки, записанные Пушкиным, в контексте северо-западной сказочной традиции

Сказки в записях А. С. Пушкина и их варианты в фольклорных традициях Северо-Запада России (с экспедиционными материалами из фондов Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова): учебное пособие / сост. Т. Г. Иванова, Г. В. Лобкова. Санкт-Петербург: Скифия-принт, 2019. 202 с.

Данное учебное пособие явно выделяется среди образовательной литературы, адресованной студентам гуманитарных высших учебных заведений. Без преувеличения можно говорить о его уникальности и в то же время о закономерности появления такого пособия в Фольклорно-этнографическом центре Санкт-Петербургской консерватории. Во-первых, имеется огромный архив экспедиционных записей, произведенных преподавателями, сотрудниками и студентами Центра. Во-вторых, этот архив включает материалы, касающиеся всех сторон традиционной культуры многих регионов России. Подобная установка на фронтальное фиксирование культурного наследия обусловлена особой образовательной Программой Центра, предусматривающей междисциплинарное, всестороннее изучение традиционной культуры с привлечением широкого круга гуманитарных дисциплин.

Экспедиционный материал Фольклорно-этнографического центра содержит большое количество текстов народной прозы. Сказка занимала очень важное место в репертуаре и жизни крестьян вплоть до начала XXI века, о чем свидетельствуют в том числе и по-

левые записи сказок на Псковщине (всех разновидностей — волшебные, кумулятивные, новеллистические, о животных и пр.), и воспоминания жителей¹. Псковская область и сопредельные территории в течение ряда лет были для Консерватории объектом регулярных экспедиционных исследований. Известно, что А. С. Пушкин, находясь в 1824–1825 годах в Михайловском, вел записи народных сказок. Его интересовала сказка во всем ее разнообразии — от волшебной до новеллистической, на грани мифологического рассказа и скоромных озорных текстов. Таким образом, далеко не случайно в центре внимания настоящего учебного пособия оказались рукописные тексты А. С. Пушкина, точнее его конспективные записи народных сказок, и сказки, зафиксированные в том же регионе уже в наши дни. Так возникла идея сопоставить оба пласта сказочной прозы — пушкинский и фольклорный. Для получения более достоверной картины составители учебного пособия расширили границы территориальные (выход за пределы Псковских земель и привлечение сказочного материала почти со всего Северо-Запада России) и временные (использованы тексты XIX–XX веков из разных источников).

¹ См.: [3].

Публикация сказок предваряется объемной статьей Т. Г. Ивановой; после корпуса текстов даны исчерпывающие комментарии к каждой сказке. Замечательным, очень важным дополнением являются факсимильная копия автографа Пушкина (рукопись на семи листах) из собрания Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, компакт-диск с избранными экспедиционными звукозаписями, а также карта-схема, где отмечены населенные пункты, с которых производились записи сказок.

Учебное пособие, как сказано в аннотации, предназначено для преподавателей и студентов организаций высшего образования по направлениям подготовки и специальностям в сфере гуманитарных наук, литературы, искусства и культуры, а также для всех интересующихся изучением русского фольклора. Для будущих специалистов в области традиционной культуры пособие имеет не только познавательное значение — более глубокое знакомство с творчеством А. С. Пушкина, со «сказочным» фольклорным богатством Северо-Запада России, так или иначе сопряженным с записями поэта. С моей точки зрения, гораздо ценнее то, что студентам преподносится образец подлинно научного осмысления материала, использования достижений и методов академической науки; демонстрируются разные стороны фольклористической работы: методы полевых исследований, требования к записям прозаического фольклора, разносторонний анализ конкретных произведений. Детальное описание пушкинской тетради с записями сказок имеет прямое отношение к творчеству поэта, к страницам его жизни, и одновременно дает пример текстологического, археографического описания, методов работы с архивным, рукописным материалом. И во вступительной статье, и в комментариях обосновывается значение широкого культурно-исторического контекста, показывается сложное соотношение устной и письменной культур как в сфере собственно фольклорного искусства, так и в творчестве профессиональных писателей (в рамках данной книги на примере А. С. Пушкина). Включение данных о трактовке пушкинских сказок (законченных литературных произведениях и конспективных записях поэта) разными исследователями, начиная от современников Пушкина и до ученых XXI века, знакомит читателя с историей отечественной фольклористики и литературоведения, пусть на ограниченном, но чрезвычайно значимом материале.

Прекрасным примером научного подхода является обращение к образу Арины Родионовны. Для подавляющего большинства вчерашних школьников, да и для многих взрослых, не погруженных в серьезное пушкиноведение, няня Пушкина воспринимается только «подругой дней суровых», «доброй подругой бедной юности», скрашивавшей жизнь опального поэта заботой, песнями и сказками. Разумеется, нельзя не согласиться с тем, что «глубинное знание русской фольклорной традиции — не только отдельных сюжетных линий, но и национального своеобразия русского народного характера, выраженного в сказке, Пушкин вынес именно в михайловскую

пору своей жизни, тесно общаясь со своей няней» (с. 17). Т. Г. Иванова, посвящая Арине Родионовне целых девять страниц, преследует и другие цели: знакомые (и не очень известные широкому читателю) биографические сведения проливают свет на то, откуда Арина Родионовна могла почерпнуть сказки, а это практически все северо-западные губернии, что в значительной мере оправдывает привлечение сказок с обширной территории в качестве сравнительного материала к пушкинским записям к нему. Такой фольклорный фон, безусловно, важен и для понимания специфики региона, а в конечном счете — своеобразия сказок, бытовавших здесь, и объяснения некоторых, не исключительно псковских, мотивов, поэтических формул, фольклорно-этнографических подробностей в текстах самой Арины Родионовны и в сказках Пушкина. При этом указывается, что «сказки Арины Родионовны не были единственным источником литературных произведения Пушкина» (с. 17).

Как уже сказано выше, настоящее издание больше, чем просто учебное пособие. Очевидна его большая научная ценность. Необходимо отметить введение в научный оборот новых сказочных текстов (13 из 40 публикуются впервые). Избранные экспедиционные звукозаписи на компакт-диске — это осуществление современного подхода к фольклорному материалу, позволяющее услышать и с большей глубиной оценить интонационное богатство живой речи народных сказителей. Согласно сегодняшним требованиям к изучаемому фольклорному явлению даются исчерпывающие отсылки к соответствующим указателям сказок и быличек, паспортные данные каждого текста (место и время записи, имена собирателей, первые публикации и т. д.). Особую ценность представляют биографии сказителей, обзор их репертуара.

Данное издание ставит серьезные научные проблемы, отчасти решаемые составителями на своем конкретном материале, отчасти адресуемые более широкому кругу исследователей и более разностороннему материалу. Имею в виду, например, проблему соотношения устной и письменной культур, проблему фольклоризма в русской литературе. Комментируя каждую фольклорную сказку, в соответствии с главной задачей учебного пособия, составители делают акцент на сходстве и различии народного варианта и пушкинского текста, причем ставят двоякий вопрос: насколько можно говорить о знакомстве исполнителей с произведениями Пушкина, с переложениями его сказок в лубочных изданиях или других книжках для народа, и, напротив, насколько вероятно использование Пушкиным лубочной литературы или популярных, западноевропейских и восточных переводных приключенческих повестей и романов. Приводимые материалы демонстрируют, с одной стороны, вариативность русской сказочной традиции при укоренности в ней определенных сюжетов, мотивов, образов, словесных выражений, с другой — специфическое следование этой традиции профессионального писателя. Пушкин, кажется, прибегает к той же вариативности, но более вольно. Он, мало того, что не следует ни одно-

му фольклорному сюжету буквально, внося свои изменения и заимствуя сюжетные повороты из разных сказок, но включает нужные ему подробности из русских и иностранных литературных источников. По сути, так рождался новый жанр — литературная сказка.

Т. Г. Иванова справедливо называет пушкинские сказки полигенетическими по используемым в них фольклорным источникам. Профессиональный взгляд фольклориста позволяет увидеть те детали, которые далеко не всегда заметны литературоведу, а значит, дают возможность с особого ракурса проникнуть в творческую лабораторию поэта. В частности это касается источников — включение поэтом деталей свадебной обрядности, традиций причитаний и заговоров, мотивов быличек; мотивов и образов былин; обыгрывание народных выражений, использование звуковых аллитераций, рашного стиха и пр.

Учебное пособие, что очень важно, не ставит все точки над «і». Оно в определенной степени провокационно, т. е. призывает к дальнейшим поискам, размышлениям, к нахождению иных путей в осмыслении диалога «Пушкин — народная сказка». Мне кажется, можно было хотя бы упомянуть о популярности и востребованности пушкинских произведений (не только сказок) у грамотных крестьян и низового городского населения. Так, по данным А. И. Рейтблата², в конце XIX века среди наиболее читаемых книг в народных земских библиотеках были сказки Пушкина, его «Капитанская дочка» и «Полтава». С. А. Клепиков подсчитал, что общее количество эстампов (лубочных листов) «на сюжеты А. С. Пушкина, выявленное к 1949 году, достигло 49; по жанрам количество распределяется так: лирика — 31, поэмы и драмы — 10, сказки — 4, иная проза — 4»³. По его же сведениям, в совокупности число листов, иллюстрирующих творчество поэта, составляет 260 единиц (включая повторы одного и того же варианта). М. Я. Мельц принадлежит двухсотстраничный библиографический указатель «Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825–1917 гг. и русском фольклоре»⁴.

Относительно «Царя Никиты и сорока его дочерей», сказки, по вполне понятной причине не попавшей на страницы популярных изданий, не отмеченной в Сравнительном указателе сказочных сюжетов (СУС), не повлиявшей на устную сказочную традицию, но бесспор-

но имеющей фольклорные корни, можно добавить, что мотивы ее имеются не только в устном творчестве украинцев, цыган, сербов, но наверняка присутствуют в русских «заветных сказках». Не лишним была бы отсылка к «заветному» фольклору и «Сказки о попе и работнике его Балде». Близость фольклорной традиции несомненна, но причина, по которой «это пушкинское произведение практически не было усвоено фольклорной традицией», думается, кроется не в том (или не только в том), что оно не обладает «по сравнению с собственно народной сказкой повествовательной новизной» (с. 27), а, вероятно, и в том, что с народной точки зрения фигура попа не совместима со скоморошиной. Во всяком случае, над этим стоит поразмыслить.

К истории сочинения «Сказки о царе Салтане» я бы добавила о планах Пушкина написать сказку про Бову, существующую в нескольких авторских отрывках — пересказ популярного романа, план оформления сюжета «как в сказке» и неоконченная лицейская поэма «Бова», написанная и под впечатлением от одноименной сказочной поэмы А. Н. Радищева, и от повести, которую Пушкин хорошо знал с детства⁵. Интересно, что имена Салтан, Гвидон, Дадон, взятые из той же лубочной повести, Пушкин использовал в разных своих «сказочных» произведениях. Вообще «Сказка о Царе Салтане» как нельзя лучше демонстрирует примечательный цикл: выйдя из лубка, сказка вернулась в лубок и в своем пушкинском виде (авторском) и в переделках.

В заключение хочется еще раз поблагодарить составителей учебного пособия «Сказки в записях А. С. Пушкина и их варианты в фольклорных традициях Северо-Запада России» и выразить уверенность в том, что это исследование послужит прекрасным примером сочетания практической (сборка фольклорного материала) и сугубо научной сторон в осмыслении отечественного духовного наследия и неразрывного единства в нем народного творчества и профессионального искусства. Пособие непременно будет востребовано студентами разных гуманитарных специализаций, преподавателями соответствующих дисциплин, фольклористами и литературоведами, а также широким кругом читателей, интересующихся русским фольклором, русской литературой, историей русской мысли.

Литература

1. А. С. Пушкин и его произведения в русской народной картинке 1799–1949 / науч. описание, коммент. и вступ. ст. С. А. Клепикова. М.: Государственный литературный музей, 1949. 129 с.
2. Мельц М. Я. Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825–1917 гг. и русском фольклоре. Библиографический указатель (по материалам Пушкинского Дома) / под ред. А. А. Горелова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 215 с.
3. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра: в 2 т. / автор проекта, сост., науч. ред. А. М. Мехнецов; авт. кол.: Е. А. Валиевская, И. В. Королькова, Г. В. Лобкова и др. СПб.; Псков: Изд-во Областного центра народного творчества, 2002. Т. 1. 686 с.; Т. 2. 813 с.

² См.: [6, с. 185].

³ См.: [1, с. 5].

⁴ См.: [2].

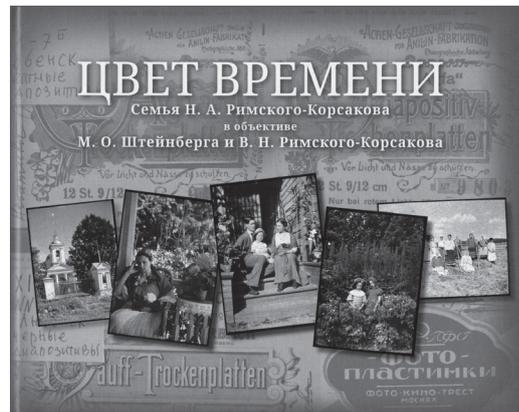
⁵ См.: [4, с. 68; 5, с. 403–405, 574–577].

4. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. Изд. 2-е. Т. 1: Стихотворения. 1813–1820. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 535 с.
5. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. Изд. 2-е. Т. 4: Поэмы, сказки. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 595 с.
6. Рейтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 449 с.

Valentina VASILYEVA Looking through the album

Валентина ВАСИЛЬЕВА Листая страницы альбома

Цвет времени. Семья Н. А. Римского-Корсакова в объективе М. О. Штейнберга и В. Н. Римского-Корсакова: Альбом-каталог выставки / автор-сост. Н. В. Костенко; науч. ред. Т. З. Сквирская; СПГМТиМИ; СПбГК. СПб.: СПБГМТиМИ, 2019. 160 с.: ил.

В конце минувшего года вышел в свет альбом-каталог «Цвет времени. Семья Н. А. Римского-Корсакова в объективе М. О. Штейнберга и В. Н. Римского-Корсакова». Представленная в нем уникальная коллекция негативов и диапозитивов на стекле и фотопленке на протяжении ста лет бережно хранилась в семье потомков композитора. Накануне юбилейного 2019 года — 175-летия со дня рождения Николая Андреевича Римского-Корсакова — она была приобретена у правнучки композитора Вероники Всеволодовны Прокофьевой для Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Это стало заметным событием в формировании музейных фондовых собраний.

Снимки были выполнены в период с начала 1900-х до 1919 года учеником и зятем Н. А. Римского-Корсакова, известным музыкантом и педагогом, Максимилианом Осеевичем Штейнбергом и младшим сыном композитора Владимиром Николаевичем Римским-Корсаковым в основном в Любенске, где провел последние два года Николай Андреевич, а затем жили члены его семьи и потомки. Часть фотографий сделана в Вечаше и Петербурге. Эти материалы давно привлекали к себе внимание не только исследователей жизни и творчества композитора, но и более широкой аудитории. Об этом свидетельствовала заинтересованность посетителей нескольких выставок, на которых экспонировалась часть снимков коллекции (в то время находившихся в семье потомков композитора). Они были организованы в Санкт-Петербургской государственной консерватории (2005, руководитель проекта Елена Владимировна Некрасова,

куратор — Елена Викторовна Гончарова), в Мемориальном музее-усадьбе Н. А. Римского-Корсакова «Любенск-Вечаша» (2004, автор — Т. В. Римская-Корсакова), в Мемориальном музее-квартире Н. А. Римского-Корсакова (2017, куратор — Нина Владимировна Костенко).

27 ноября 2019 года в музее-квартире Н. А. Римского-Корсакова состоялось открытие новой выставки — «Цвет времени. Семья Римских-Корсаковых в объективе М. О. Штейнберга и В. Н. Римского-Корсакова»¹, на которой была представлена вся сохранившаяся коллекция фотографий (191 единица хранения). К этому событию было приурочено и издание альбома-каталога, подготовленного совместно с Санкт-Петербургской государственной консерваторией.

Альбом привлекает внимание высоким качеством снимков, удачно выбранным форматом и художественным оформлением (дизайнер альбома Александр Алексеевич Андрейчук). Представленные в нем фотографии предваряют три замечательные публикации. В статье заведующей Мемориальным музеем-квартирой Н. А. Римского-Корсакова Н. В. Костенко, составителя альбома, автора и куратора проекта, дана подробная информация о тщательно проведенной научно-исследовательской работе по изучению коллекции, установлению личностей, выявлению точных датировок и авторства снимков, выяснению многих других особенностей фотодокументов. В процессе исследования автором статьи использовались многочисленные документальные источники, изучались неопубликованные материалы, хранящиеся в Кабинете рукописей Российского института истории

¹ Выставка была осуществлена при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга.